

Таганка - XXV

Андрей
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СЕГОДНЯ — серебряная дата нашей Таганки, театра революционной интеллигенции, родившегося четверть века назад. Театр этот — не дитя замершей уже к тому времени оттепели, он родился как предтеча сегодняшнего апреля.

Таганка, с чем только мы тебя не рифмовали! В твоём имени так и слышится: «Ва-банк!» или «гон таланта». «Все богины как поганки перед бабами с Таганки!» — написал я на твоей девственно чистой стене. Потом строка эта затерялась под ковром многолетних надписей твоих паломников, поклонников — от Михаила Ульянова до Артура Миллера и Теда Кеннеди.

Таганка, ты была гнездом для Владимира Высоцкого, чей Гений выразил народную душу. Беспорочно в мировой театральной практике беззаветная любовь твоих актёров к своему капитану. Беспрецедентная благородная позиция Н. Губенко.

Помню взрывное рождение твое. Ю. П. Любимов начал новую сцену как поэтический театр. Он приучал страну к нештучному риску. В есенинском «Пугачёве» рядом с голыми разгоряченными торсами Губенко и Высоцкого, почти задев их, с хрястом вонзались в деревянные помосты настоящие топоры. В «Пушкине» по актёрам били стрелы с настоящими наконечниками. В «Павших и живых» по стихам Самойлова, Когана и Окуджавы дупили автоматы. Театр «не читки требовал с актёра, а полной гибели всерьёз» (Б. Пастернак).

У каждого есть своя Таганка, расскажу о моей. Для меня это кусок жизни, 25 лет любви, свобода в несвободные времена.

Началась Таганка для меня за погода до её рождения, когда ко мне, потряхивая смоляной гривой, приехал молодой Ю. П. Любимов с завлитом Э. Левиной. Он ещё не был великим режиссёром, но уже чувствовал своё предназначение, нетерпеливо поигрывая под курткой плечами гимнаста, привыкшего крутить «солнце» на турнике.

Он предложил провести в театре два авторских вечера поэзии, первое отделение которых подготовили бы актёры. Пьесу он написал сам. Так родился спектакль «Антимиры». В «Ан-

тимирах» впервые вышел на сцену В. Высоцкий с гитарой. Спектакль прошёл 800 раз.

Жили мы в ту пору на Котельнической, рядом с театром, квартира была полна шумными таганцами, пел новые песни Высоцкий. В. Смехов, А. Демидова, З. Славина, В. Золотухин, Б. Хмельницкий, В. Шаповалов, да весь театр, а позднее — Л. Филатов, Д. Боровский стали как бы семьёй для меня. Каждый, как показало время, был звездой первой величины.

Особенно сблизила нас работа над спектаклем «Берегите ваши лица», когда я уже осмелился написать пьесу. Если «Живой» был, пожалуй, самый смелый спектакль театра, раскрывший преступное уничтожение деревни и поэтому зарезанный на корню, то «Лица» были спектаклем-метафорой. После пяти премьер спектакль был запрещён. Высоцкий там пел «Охоту на волков», это стало одной из главных причин запрета. Запретители торговались, требуя снять песню, чтобы облегчить прохождение. Но мы, конечно, на это не пошли. Любимов был отстранен от работы, а когда восстановлен, то над «Лицами» продолжало висеть запрещение.

Сжавши зубы, ты работала, Таганка. Капитан твой лишь два раза пропустил репетиции — один раз хоронил Твардовского, другой — мать. Даже классические работы по Достоевскому, Шекспиру, даже горьковская «Мать», «Борис Годунов» — все натянулось на преграду. Финалом стало изгнание Любимова.

Парадоксально, что нелюбимые шедевры Таганки созданы в годы так называемого застоя, вопреки ему, под постоянным прессом запрета. Также чудом, адским напряжением, кровью осуществлялись спектакли О. Ефремова, «Холстомер» Г. Товстоногова, и М. Розовского, фильмы Тарковского, романы Трифонова и Айтматова. Лишь колдовством Воланда можно объяснить выпуск «Мастера», так же, как и предшествующее опубликован-

ные книги. Казалось, стиснутый стон, политическая немота сублимировались в одинокие прорывы искусства. Но тайными, невидимыми капиллярами они были вместе. Так рождался эстетический стиль Любимова — зрительная метафора.

Цвет мыслящей интеллигенции собирался на Таганке. Театр был не только московским Олимпом, но и Гайд-парком. Правительственной ложки в нём не было. На премьере «Пушкина» рядышком сидели опальный академик А. Сахаров, космонавты, тогдашний член Политбюро Д. Полянский, диссидент В. Максимов, либеральные работники со Старой площади, московские красавицы, студенты, шуршавшие «самиздатом», дипломаты.

Не обходилось и без курьёзов. Когда на спектакле по Г. Бакланову тогдашний глава Москвы В. Гришин со свитой пробирался, олоздав, на своём месте в тёмном зале и администратор с услужливым фонариком показывал ему дорогу, зрители решили, что это входит часть спектакля, где очень похоже актёры показывают бюрократов. Публика начала свистеть, улюлюкать, хохотать... Гости ретировались из зала. А театр опять оказался на грани закрытия.

Победы давались ценой жертв, напряженияй воли. Но театр оставался весёлым, праздничным. И при всех дерзких «сюрреалистических авангардных поисках», восхищавших знатоков, Таганка никогда не теряла духа площади, свободы. Не случайно в новом здании театра задняя стена за сценой распахивается прямо на улицу. Все театры начинаются с швалки, Таганка — с площади. Дух Таганки неубиваем. Дух народной воли ныне вырвался из стен, он может победить. В его энергии есть и доля идей театра по имени Таганка.

Что означают для театра цифры XXV? Что закодировано в них? Дважды накрест перечеркнутые тирания и стагнация? И приветственные пальцы поднятые вверх как знак победы?.. Ты не отвечаешь, ты работаешь, Таганка. С серебряной датой тебя! Серебряной гривой потряхивает твой капитан.

Чем поразитшь нас завтра, Таганка?